

Глава 8. Агрессия и интерактивные системы

Для методологического индивидуализма проблема социальных конфликтов является основной и составляет важнейшую тему дискуссий, направленных против рассмотренных выше концепций. Эта проблема действительно обретает совершенно иное значение, как только мы принимаем принципы анализа, превращающие индивида в «логический атом». В такой интеллектуальной перспективе принимаются в расчет главным образом индивидуальное поведение, выбор, совершаемый индивидом в той или иной ситуации, его реакция на ограничения, налагаемые системой, в которой он находится.

Главное требование методологии индивидуализма заключается именно в том, чтобы как можно дальше продвинуться в исследовании феноменов индивидуального поведения, выбора, риска и получить в результате определенную картину их соединений и эмерджентностей. Такой постулат приводит к совершенно иной эпистемологической позиции по отношению к социальным конфликтам. В то время как генетический структурализм занимается изучением распределения социального пространства по классам и анализом отличительных стратегий агентов тех или иных классов, а динамическая социология рассматривает в качестве своего объекта социальные изменения («историчность») и столкновение господствующих и подчиненных классов в борьбе за контроль над инвестициями, методологический индивидуализм в принципе отвергает как ту, так и другую постановку вопроса и противопоставляет им предварительное исследование индивидуального поведения как основу возникновения конфликтов. Исходным моментом такого подхода является, таким образом, критика моделей, которые квалифицируются как «конфликтуалистские», и противопоставление им индивидуалистической парадигмы.

В «Критическом словаре по социологии» Р. Будон и Ф. Бурико выражают сомнение по поводу того чрезмерного значения, которое на протяжении долгого времени придает конфликтам социологическая традиция. Такое исторически сложившееся подчеркивание значения конфликтов, приковывающее к ним огромное внимание и порождающее определенное видение социальной жизни, само по себе является причиной того, что социологические исследования, в которых конфликты играют непомерно большую роль, не уделяют должного места критическому осмыслению этой роли [24].

В исходном критическом взгляде на проблему конфликтов воспроизводится принципиальная, с методологической точки зрения, критика теорий, рассматривающих абстрактные сущности в качестве неких субъектов действия. Из вышеизложенного (см. главу 4) нам известно, что речь здесь идет об изначальном отказе от всякой социологической теории, представляющей «агрегаты» в качестве элементарных единиц анализа. Особой критике подвергаются теории, превращающие эти «агрегаты» (классы, группы, нации) в активных субъектов, носителей стратегии и общей

Начало см. в №№ 12, 1995; 1. 2. 7-9. 1996.

воли, поведением которых объясняется развитие конфликтов, В первую очередь эта критика направлена на марксизм в его наиболее распространенном виде, рассматривающий классовую борьбу как двигатель истории. Такое представление, с точки зрения индивидуализма, основано на двух заблуждениях. Во-первых, даже если в истории и происходит смена классов, она не всегда принимает форму борьбы. Кроме того, во время формирования оппозиций конфликты не принимают характер прямого столкновения [24, р. 86].

Такая концепция, предполагающая существование социальной целостности, тотальности, разъятой на две части, представляющие некие абстрактные сущности, подпадает в качестве наглядного примера под острие критики холистского мировоззрения. Последнее исходит из того, что ситуация или структура полностью определяют агентов и устанавливают схемы причинно-следственных связей, где поведение механически выводится из условий. В рамках такого мировоззрения агенты оказываются лишены сознания и собственного выбора, они являются лишь марионетками, которыми манипулируют структуры. Эта критика не исключает, однако, существования организаций или институтов, способных принимать коллективные решения. В подобных случаях уподобление группы индивиду оправдано: «...уподобление группы индивиду правомерно лишь в том случае, когда группа организована и явно наделена институциональными формами, позволяющими ей принимать коллективные решения" [25]. Примером здесь служат военно-политические конфликты, когда можно сказать, что такое-то национальное государство принимает такое-то решение, понимая под этим высказыванием не индивидуального, но коллективного актора, обладающего инструментом принятия решений — своим правительством. Остается лишь выяснить, каким образом такой актор выбирает ту или иную стратегию в определенной ситуации.

Итак, методологический индивидуализм переформулирует проблему социальных конфликтов, и можно выделить три типа постановки вопроса. Во-первых, надо выявить генезис конфликтов, причем за исходный пункт берется индивидуальное поведение и анализируются процессы, приводящие к феноменам эмерджентности. Во-вторых, необходимо остановиться на типах отношений и системах интеракций, в которые вовлечены акторы. В-третьих, следует проанализировать стратегии акторов в рамках этих систем.

1. В основе исследования генезиса конфликтов лежит проблема возникновения коллективного действия. Это исследование воспроизводит также критику предопределенности конфликтов. Здесь вновь подвергается сомнению интерпретация конфликтов с точки зрения экономического детерминизма. Марксизм в своем популярном изложении обновил иллюзорную идею, согласно которой социальные конфликты механически выводятся из расхождения экономических интересов. Тот факт, что из этого ничего не получается, что индивиды, испытывающие одни и те же экономические трудности и стремящиеся посредством совместного действия их преодолеть, оказываются не в состоянии организовать такое действие, заставляет нас отбросить эту схему. Р. Будон воспроизводит здесь критику М. Ольсена в качестве яркого примера опровержения всяких утверждений в духе детерминизма [25, р. 152]. Проблема генезиса конфликтов должна быть поставлена в терминах индивидуального поведения: она требует исследования представлений и действий отдельных агентов, чтобы выяснить, как возникает конфликтное отношение. Здесь уместно привести пример Роберта К. Мертона, касающийся расизма американских рабочих в отношении чернокожих сразу после первой мировой войны. Этот конфликт, так, как он выглядел в глазах белых рабочих, был спровоцирован тем, что приехавшие с Юга рабочие-негры, неквалифицированные и игнорировавшие традиционную профсоюзную дисциплину, оказались легкой добычей для работодателей, сопротивлявшихся давлению профсоюзов. Рабочие-негры становились штрейкбрехерами и подлежали исключению из профсоюзов. Таким образом, этот конфликт, носивший экономический характер, происходил между рабочими - членами профсоюзов, озабоченными на законном

основании защитой своего жизненного уровня, и чужеродными штрейкбрехерами (25, р. 77-80]. Анализ генезиса этого конфликта в терминах индивидуального поведения приводит к совершенно другим выводам. Исходным пунктом здесь является то обстоятельство, что чернокожие рабочие, которые не смогли найти работу в южных районах Соединенных Штатов, приезжали на заработки в зону индустриального Севера. В этой ситуации они составляли резервную армию для тех работодателей, которые искали возможность обратиться к услугам штрейкбрехеров. Рабочие профсоюзы, перед лицом этой угрозы, исключали из своих рядов потенциальных штрейкбрехеров, чтобы сохранить дисциплину и сплоченность. Начиная с этого момента, исключенные из профсоюзов чернокожие рабочие были вынуждены, чтобы найти работу, превратиться в штрейкбрехеров. А это в свою очередь усиливало убежденность белых рабочих в том, что негры были плохими членами профсоюзов и что их необходимо было исключить. Таким образом, «расизм» рабочих профсоюзов по отношению к неграм можно анализировать в других терминах: «Расизм белых рабочих анализируется Мертоном как результат действия структуры, которая хорошо знакома кибернетикам: "система с усилителем отклонения"... Предубеждения некоторых белых вынуждают чернокожих принимать решения, подтверждающие эти предупреждения и дающие им реальное основание» [25, р. 79-80].

В приведенном примере речь идет об исследовании единичного факта и выведении из него генезиса конфликта. При этом существует соблазн просто заключить, что интересы белых рабочих противоположны интересам черных рабочих, и что социальный конфликт лишь удваивает конфликт интересов. Стремление понять логику индивидуального поведения позволяет, напротив, предложить более эффективное объяснение конфликта, в рамках которого констатация враждебного отношения не является достаточным аргументом. Институциональные изменения, связанные с Новым курсом Рузвельта, запрещающим работодателям заменять забастовщиков по своему усмотрению, повлекли за собой изменения всей системы отношений, и черные рабочие оказались в положении, свидетельствующем об отсутствии у них естественной склонности к штрейкбрехерству.

2. Пример Мертона позволяет выявить «структуру интерактивной системы» и ее роль в модификации или исчезновении социального конфликта. Действительно, анализ социального конфликта в этом случае предполагает исследование системы интеракций, где он развивается. Объяснение здесь надо искать с помощью конструирования модели, которая выражает особенности интерактивной системы, порождающей интересующие нас явления. В конструировании такой модели и заключается общая цель исследования.

Р. Будон предлагает различать два типа систем, которые приводят к конфликтам двух типов: функциональные системы и системы взаимозависимости. Так, например, конфликты, возникающие в недрах трудовых отношений на предприятии, характеризуют функциональные системы. Конфликты же, возникающие между индивидами или группами индивидов вне установленных правил, характерны для систем взаимозависимости. Различить эти две системы не всегда легко в каждом конкретном случае, и они могут рассматриваться лишь в качестве идеально-типических [25, р. 87].

При анализе функциональных систем надо выделить понятие роли. В подобных интеракциях акторы связаны друг с другом с помощью ролей: «...акторы связаны между собой с помощью ролей, определяемых (по крайней мере частично) извне и рассматриваемых ими как данные» [25, р. 86].

Таким образом, в трудовых отношениях на предприятии агенты занимают определенные места и должны выполнять четко определенные функции: они вступают в систему ролевых отношений. Эти роли могут быть в значительной мере определены извне, например, в бюрократизированных организациях: они могут быть определены изнутри, как, например, роль лидера в молодежной компании. Но в обоих случаях определяется ли роль извне (с помощью статуса) или изнутри, понятие роли необходимо для анализа: «Мы моментально замечаем это, как только начинаем

рассматривать единичные объекты анализа: директор, заместитель директора, лидер группы... Эти слова сразу же предполагают, что индивиды, составляющие элементы анализа, занимают определенные позиции в системе разделения труда или, если это выражение кажется более предпочтительным, в функциональной системе» [25, р. 86].

То обстоятельство, что акторы связаны ролями, не исключает появления между ними конфликтов. Но эти конфликты должны развиваться в недрах системы и принимать в связи с этим специфический характер.

Интерпретация Р. Будоном исследований М. Крозье (см. «Бюрократический феномен») наглядно показывает то, что является наиболее важным в концепции интеракций, присущих функциональной системе. В качестве примера здесь взяты отношения между директором и фининспектором. Из предыдущей главы мы знаем, что инспектор теоретически подчиняется директору: будучи ответственным за финансовое положение предприятия, он визирует все важные операции, осуществляемые по решению директора. Но какова бы ни была формальная сторона ролевых отношений, она оставляет этим двум акторам известную свободу маневра. Каждый из них может вести себя по отношению к другому либо в духе сотрудничества, либо агрессивно. Директор может рассматривать вмешательство фининспектора лишь как простую формальность («агрессивное отношение»), а может наоборот, попросить у него совета и сделать его тем самым участником процесса принятия решения («отношение сотрудничества»). Фининспектор, со своей стороны, может быть придиричивым и дотошным («агрессивное отношение»), или, напротив, вести себя как послушный подчиненный. Разумеется, речь здесь идет о крайних и упрощенных случаях, но ими заданы «полюса», определяющие степень свободы акторов.

Итак, существует конфликт, связанный с распределением власти и, тем самым, существует цель («ставка») участников этого конфликта. Но если ситуацию формализовать в терминах теории игр, то эта ставка будет существовать лишь в силу изменчивости, неустойчивости ролей. Напряженные отношения и конфликты обнаруживают, что акторы пытаются извлечь выгоду из той степени свободы, которой они располагают, и интерпретировать свою роль наиболее соответствующим их интересам образом. Интерактивная структура, навязываемая официальными правилами, такова, что акторы имеют некоторую свободу и им необходимо выбирать между различными персональными стратегиями.

3. Второй тип интеракций (система взаимозависимости), обуславливает иной взгляд на социальные конфликты. Различие между функциональными системами и системами взаимозависимости основаны, в частности, на том, что в последних отношения между индивидами не принимают форму ролевых отношений [25, р. 87]. Так, кандидаты, представленные на каком-либо конкурсе, находятся в определенных отношениях друг с другом, но не связаны с той или иной ролью: они сталкиваются в отношениях конкуренции. Точно также в военном конфликте участники могут играть какую-то роль в рамках собственной военной организации, но не вовлечены в ролевые отношения со своими врагами. Исследование расизма белых американских рабочих, представленное Мертоном, дает нам еще один пример: белые и черные рабочие не связаны ролевыми взаимоотношениями, но, тем не менее, вовлечены в систему взаимозависимости, систему, которая в значительной степени вынуждает чернокожих рабочих вести себя как штрейкбрехеры.

Изучение конфликтов в рамках системы взаимозависимости предполагает анализ развития конфликтов именно в той ситуации, когда агенты не связаны ролевыми взаимоотношениями. И вновь Р. Будон повторяет принцип методологического индивидуализма, призывая переосмыслить развитие этих конфликтов, исходя из автономии агентов и их индивидуального поведения. Наглядным примером может служить исторический эпизод, связанный с решениями английского правительства накануне войны 1914 г. Известно, что это правительство раскололось на две противоположные фракции: «Две фракции сталкивались в процессе принятия решений. Первая... хотела, чтобы Великобритания проводила дипломатическую линию, направленную на

убеждение Германии в том, что британское правительство окажет военную поддержку своим французским союзникам в случае германской агрессии. Другая фракция, которую представлял сэр Эдвард Грэй, полагала, напротив, что такой процесс не только не уменьшит вероятность войны, но закроет двери для переговоров. В конце концов Грэй выбрал путь переговоров» [25, р. 64—65].

Такой эпизод можно рассматривать исходя из анализа системы взаимозависимости, в которую вовлечены данные акторы, и которая может быть представлена как комбинация простых интерактивных структур, где акторы имеют выбор различных стратегий. Каждый из двух рассматриваемых акторов выбирает между агрессивностью и доброжелательностью. А поскольку акторы играют одновременно, причем каждый имеет две возможные стратегии, интерактивная система определяет четыре ситуации в зависимости от выбора стратегии обоими акторами.

Мы видим, что у английского правительства были основания для сотрудничества, а не для угрозы. Лорд Грэй в действительности думал, что предпочтения Германии были направлены на сотрудничество, поэтому было бы нежелательно, с его точки зрения, демонстрировать свою твердость и решительность. Заняв агрессивную позицию, английское правительство на самом деле подтолкнуло бы германское правительство к такому поведению. Было бы недипломатично проводить столь жесткую политику.

История и социология

Институциональные перегородки, разделяющие исторические и социологические исследования, не должны затемнять существование многочисленных взаимосвязей, которые непрерывно возникают между ними. Такая ситуация восходит к самому началу развития социологии: ее основатели. Маркс и Вебер, всегда размышляли над историей и обогащали свои труды знаниями, почерпнутыми из исторических произведений. Тем не менее, эти взаимосвязи различаются в зависимости от проблематики как исторической, так и социологической.

Историки, традиционно занимающиеся воссозданием единичного и особенного, например, жизни великих людей, не обращаются к социологической проблематике или даже избегают ее. Напротив. «Школа Анналов», основанная в 1929 г. Люсьеном Фебром и Марком Блохом, и занимающаяся социальной историей и «длинными периодами» в большей степени, чем исследованиями особенного, открыто обращается к социологическим проблемам. Вместе с тем. работы историков, изучающих социальные движения [26], распространение культур [27], типы ментальности и их эволюцию [28]. отличаются от социологической проблематики лишь своим предметом (прошлое), но не методами.

Во многих случаях авторы вообще не обращают внимания на водораздел между историей и социологией, свободно пересекая междисциплинарные границы. Так, например, историческая демография обращается к демографическим методам в той же мере, что и к работе с архивами. Точно также, труды Норберта Элиаса о дворе Людовика XIV [29] или Теодора Зелдина об истории чувств и пристрастий французов [30] прекрасно иллюстрируют возможность плодотворного соединения обеих дисциплин.

В современных социологических исследованиях обращение к историческим работам зависит от конкретной проблематики и, таким образом, завязываются выборочные и специфические «родственные отношения». Социология организаций, занимающаяся их структурой и функционированием, концентрирует свое внимание на том, что происходит в настоящем, и не особо нуждается, в исторических экскурсах. Социология классов и социального воспроизводства, напротив, учитывает прежнюю эволюцию и расширяет поле своих наблюдений на новейшую историю, чтобы интерпретировать настоящее. Наконец, социология действия может обращаться к

любой исторической ситуации и использовать всякую работу по истории, анализирующую поведение акторов, их выбор или решение. Таким образом, обмен происходит не между двумя дисциплинами в целом, а между различными областями исторического и социологического знания в соответствии с их спецификой.

Этот пример хорошо показывает полезность моделей, заимствованных из теории игр, для анализа развития конфликтов или, скорее, для анализа конфликтных стратегий в системе взаимозависимости. Акторы имеют в своем распоряжении определенное количество возможных стратегий и выбирают одну из них так, чтобы сделать ситуацию наиболее благоприятной. С другой стороны, мы обнаруживаем здесь применение общего принципа методологического индивидуализма, поскольку этот эпизод из истории английской дипломатии интерпретируется исходя из индивидуального поведения и выбора. Более того, чтобы понять стратегический выбор правительства, надо обратиться к интерпретации данной ситуации самими акторами. Так, выбор лорда Грэй объясняется тем, как он представлял ситуацию, а точнее, его интерпретацией поведения и опасений германского правительства. Вместе с тем важно отметить, что германское правительство интерпретировало выбор англичан прямо противоположным образом по сравнению с ожиданиями лорда Грэй: не как знак к примирению, но как свидетельство слабости. Имея совершенно иное представление о ситуации и иное восприятие противника, германское правительство приняло выбор англичан за то, чем он не был: «В действительности Германия интерпретировала британский маневр не как демонстрацию духа примирения, но как доказательство слабости. Почему возник этот разрыв между намерениями англичан и их восприятием германской стороной? Это ложное восприятие проистекало не из какого-то высокомерия немцев, но из того, что Германия не имела той структуры предпочтений, которую приписывал ей Грэй» [25, р. 69]. Таким образом, при анализе развития конфликтов в рамках системы взаимозависимости нельзя пренебрегать тем, как акторы представляют и интерпретируют поведение своего противника.

Исследование систем взаимозависимости вновь приводит нас к важнейшему вопросу методологического индивидуализма - к проблеме «агрегирования» индивидуальных способов поведения или порождения коллективных феноменов. Ставший классическим пример паники на финансовом рынке иллюстрирует одновременно эти «эффекты агрегирования», или «эмерджентные эффекты», и возникновение напряженной, панической ситуации: «Классический пример эффекта усиления (amplification) - финансовая паника, как, например, та, которая возникла в период великого кризиса начала 30-х годов. Распространяется слух о возможной неплатежеспособности банков. Каждый из клиентов в отдельности направляется к кассовому окошку, чтобы снять свои вклады до того, как банк обанкротится. Агрегирование этих индивидуальных акций действительно приводит банк в состояние неплатежеспособности. Вера в правдивость слуха влечет за собой его осуществление. Разумеется, к этому результату как таковому никто из агентов не стремился» [25, р. 119].

В самом деле, агрегирование индивидуальных способов поведения влечет за собой в высшей степени разнообразные непредвиденные «эффекты», частным случаем которых являются конфликты. На примере финансовой паники мы видим, как возникает, «эмерджирует» аномическая ситуация агрегирования индивидуального поведения. Но можно привести и другие наглядные примеры.

Так, уже рассмотренный пример, касающийся расизма белых американских рабочих в 30-е годы, служит иллюстрацией процесса усиления напряженной ситуации. Белые рабочие, согласно исследованию Мертона, не имели намерения вытеснить чернокожих рабочих с рынка труда. Они также не собирались вносить свою лепту в усиление расизма: «Они попросту не верили, что черные могут доказать свою лояльность профсоюзу и отказывались их принимать во имя профсоюзных интересов, что нельзя считать ни незаконным жестом, ни недоразумением. Система взаимозависимости создает здесь эффект "перехлеста" (overshooting): локальные эффекты

индивидуальных действий усиливаются на глобальном уровне их взаимозависимостью с агентами» [25, p. 118-119].

В этом случае агрегирование поведения различных агентов (белых рабочих, профсоюзных лидеров, черных рабочих и работодателей) создает эффект усиления, неуловимый переход от недоверия к расовой дискриминации, эффект спирали, к которому никто из акторов не стремился.

В других случаях, однако, процессы эмерджентности могут выражаться в совершенно иных явлениях, таких как сотрудничество или прекращение конфликтов. Целый ряд примеров иллюстрирует этот особый тип эффектов, где осложнение конфликта и его развитие выражается, при наличии ситуации взаимозависимости агентов, в прекращении исходного конфликта. Переход от конфликта к его прекращению обнаруживается в установлении имплицитного или формализованного сотрудничества. Это происходит иногда в ситуации профсоюзных конфликтов, когда распространение инициатив профсоюзных организаций приводит в действительности к повышению производительности, создающей у внешнего наблюдателя впечатление согласия между членами профсоюза и промышленниками, в то время как профсоюзные организации преследуют собственные цели: увеличение заработной платы, улучшение условий труда и т.д.

Вообще говоря, в истории профсоюзных конфликтов часто отмечается этот переход от конфликта к различным видам сотрудничества, когда установление системы взаимозависимости в недрах самого конфликта постепенно уступает место его институционализации. В этом случае эмерджентный эффект принимает форму эффекта стабилизации [25, p. 131]. В своих работах Раймон Будон попытался расширить этот анализ вплоть до уровня общих исследований социальных изменений и различных теорий изменения [31]. Например, если речь идет о феномене коллективного насилия, кажется очевидным существование причинной связи между коллективным недовольством и появлением актов коллективного насилия: «Не очевидно ли, например, что коллективное насилие должно встречаться чаще, когда коллективное недовольство выражено сильнее?» [31, p. 82].

Однако, если доверять работам Д. Снайда и С. Тилли, в которых авторы, анализируя сто тридцать лет французской истории (1830-1960), оперируют различными показателями степени тяжести условий существования, можно констатировать, вопреки ожиданиям, что коллективное насилие не меняется в течение этого периода в зависимости от сложности этих условий. Согласно их исследованиям, нельзя установить строгую связь между причинами недовольства и его проявлениями. Это означает, что само недовольство и его выражение не связаны между собой на уровне коллектива, так как «...коллективное недовольство не является простым суммированием индивидуального недовольства» [31, p. 84].

Вместе с тем, для коллективного насилия недостаточно, чтобы недовольство было интенсивным, должен выполняться целый ряд других условий: необходимо, чтобы организаторы коллективных акций протеста считали это для себя политически полезным, а индивиды, готовые участвовать в подобных акциях, считали приемлемыми издержки такого участия, и т.д.

Анализ того или иного конфликта приводит нас, в соответствии с принципами методологического индивидуализма, к анализу всей ситуации, в которой находятся акторы, их мотиваций и выбора, чтобы понять и объяснить генезис конфликта.

Таким образом, было бы большим заблуждением возводить конфликты, например, классовую борьбу, в некий закон истории. Многочисленные социальные изменения происходят и происходили без классовой борьбы. С другой стороны, может случиться так, что соединение ряда условий, казалось бы, должно вызвать появление конфликта, но в силу определенных причин он не возникает. Поэтому не следует систематически преувеличивать и роль насилия в истории [31, p. 198].

Перевод с французского О.Ю. ЯРЦЕВОЙ

ЛИТЕРАТУРА

24. Boudon R., Bourricaud F. Dictionnaire critique de la sociologie. Paris: PUF. 1982.
25. Boudon R. La logique du sociale: introduction a l'analyse sociologique. Paris: Hachette. 1979.
26. Le Roy Ladurie E. La Carnaval de Romans, de la Chandeleur au mercredi des cendres, 1579-1580. Paris: Gallimard. 1979.
27. Mandrou R. De la culture populaire aux 17e et 18e siecles: la Bibliotheque bleue de Troyes. Paris: Imago-Payot. 1985.
28. Vovelle M. Ideologies et Mentalites. Paris: Maspero, 1982.
29. Elias N. La Societe de court. Paris: Caimann-Levy, 1974.
30. Zeldin Th. Histoire des passions franchises. Paris: Ed. du Seuil. 1978-1981.
31. Boudon R. La Place du desordre. critique des theories du changement social. Paris: PUF. 1984.